

Русская литература поднялась до явления совершенно уникального.

Василий Розанов

Издательство

«Школьная Пресса»

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1993 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор

А.П. Фурсов, поэт,

член Союза писателей России

Chief editor

A.P. Fursov, the poet,

member of Union of writers of Russia

Редакционная коллегия

The editorial board

О.М. Александрова, кандидат педагогических наук, заведующая Центром филологического образования ФГБНУ «Института стратегии развития образования РАО» (Москва)

O.M. Alexandrova, candidate of pedagogical sciences, head of the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

Н.В. Беляева, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник Центра филологического образования ФГБНУ «Института стратегии развития образования РАО» (Москва)

N.V. Belyaeva, doctor of pedagogical sciences, leading researcher of the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

И.П. Васильевых, научный сотрудник Центра филологического образования ФГБНУ «Института стратегии развития образования РАО» (Москва)

Vasilievich I.P., researcher at the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

В.А. Воронаев, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, председатель Гоголевской комиссии Научного совета РАН

«История мировой культуры» (Москва)

V.A. Voronaeв, doctor of philological sciences, Professor of Moscow state University named after M.V. Lomonosov, the Chairman of the Gogol Commission Scientific Council «History of world culture» of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Ю.Н. Гостева, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник ФГБНУ Центра филологического образования «Института стратегии развития образования РАО» (Москва)

J.N. Gosteva, the candidate of pedagogical sciences, senior researcher of the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

Русская словесность

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

5/2019

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!

Федор Тютчев (1803–1873)

Специальный номер

«Русская литература и философия:

пути взаимодействия»,

подготовленный совместно с Институтом мировой литературы имени А.М. Горького РАН и Библиотекой истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»

О специальном номере «Русская литература и философия: пути взаимодействия» 3

БОЖЕСТВЕННОСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Татьяна Касаткина

Филологические практики в философском осмыслении: Комментарий в целом культуры 5

МОНУМЕНТАЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Анастасия Гачева

Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев: диалог о христианстве, человеке, истории 12

ШЕДЕВРЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Юлия Анохина

Вода и влага в книге стихов «Сумерки» Е.А. Боратынского как важнейшие метафизические мотивы 24

ГЛУБОКОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Елена Тахо-Годи

А.Ф. Лосев о диалектике тютчевского бытия 32

ХРЕСТОМАТИЯ

Алексей Лосев

Тютчев

Научная публикация текста Е.А. Тахо-Годи.

Публикуется впервые..... 40

ТОРЖЕСТВО СОЗВУЧИЙ

Ольга Шалыгина

«...Мой товарищ Протасов»

(о метасюжете русской литературы)..... 48

ИЗ МЕТОДИЧЕСКОЙ КОПИЛКИ

Светлана Серегина

«Душа грустит о небесах...»: философическая грусть

в лирике С.А. Есенина 57

ЛЕКЦИОННЫЙ ЗАЛ

Антон Филатов

Философско-эстетические принципы мифотворчества

С.М. Городецкого..... 62

ИНТЕГРАЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРЕДМЕТЫ ВУЗОВСКОГО ЦИКЛА: ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Наталья Михаленко

Философия искусства А.В. Чаянова-прозаика..... 74

Содержание (*раздел-журнал*)

«Русский язык и литература для школьников» № 5, 2019 81

Содержание электронного периодического издания

«Русская словесность» № 5, 2019 112

Адрес издательства и редакции

127254, г. Москва, а/я 62

Тел.: 8 (495) 619-52-87, 619-83-80

E-mail: aleksandr.fursoff2014@yandex.ru

Журнал зарегистрирован МПТР России,

свид. о рег. ПИ № ФС 77-33042

от 04.09.08 г.

Формат 84×108/16. Усл.-печ. л. 7,25

Изд. № 3362. Заказ

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,

428019, г. Чебоксары,

пр. И. Яковлева, д. 13

© ООО «Школьная Пресса», 2019

© «Русская словесность», 2019

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Министерства образования и науки РФ в перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал зарегистрирован в базе данных Российского индекса научного цитирования.

Журнал «Русская словесность» включен в международные базы цитирования Web of Science, Scopus, Web of Knowledge, Astrophysics, PubMed, Mathematics, Chemical Abstracts, Springer, Agris.

И.Н. Добротина, научный сотрудник ФГБНУ Центра филологического образования

«Институт стратегии развития образования РАО» (Москва)

I.N. Dobrotina, researcher of the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Moscow)

О.В. Зырянов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

O. V. Zyryanov, doctor of Philology, Professor, head of chair of Russian literature of the Ural Federal University named after first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Н.В. Корниенко, член-корреспондент Российской академии наук, доктор филологических наук, заведующая отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва)

N.V. Kornienko, a member-correspondent of the Russian Academy of Sciences, doctor of philological Sciences, head of Department of modern Russian literature and literature of Russian abroad of the Institute of world literature named after A.M. Gorky Russian Academy of Sciences (Moscow)

В.В. Лепакхин, доктор филологических наук, профессор Сегедского университета (г. Сегед, Венгрия)

V.V. Lepakhin, Doctor of Philology, Professor of Seged University (Seged, Hungary)

В.М. Улитин, поэт, прозаик, член Союза писателей России (Владимир)

V.M. Ulitin, poet, prose writer, member of writers Union of Russia (Vladimir)

И.В. Ускова, научный сотрудник ФГБНУ Центра филологического образования «Институт стратегии развития образования РАО», г. Видное, Московская область
I.V. Uskova, researcher of the Center for philological education «Institute of education development strategy of RAE» (Vidnoe, Moscow region)

Редактор К.А. Фурсов

Editor K.A. Fursov

Номер выходит с разделом —

«Русский язык и литература

для школьников» № 5, 2019

и приложением — электронным

периодическим изданием

«Русская словесность» № 5, 2019

В номере в качестве заставок

использованы обложки

редких книг, раритетные

картины, кадры из забытых

фильмов, иллюстрации

к произведениям русских писате-

лей, поэтов и философов

Издание охраняется Законом РФ об авторском праве.

Любое воспроизведение материалов, размещенных в журнале, как на бумажном носителе, так и в виде ксерокопирования, сканирования, записи в память ЭВМ, и размещение в Интернете запрещается.

А.Г. Вагин. Константиново. Окские дали.
1986. Бумага, линогравюра.
ГМЗ С.А. Есенина

В статье рассматриваются самые исходные философские: гносеологические и онтологические — основы комментария как базовой практики бытия и становления мира и человека. Рассматривается процесс первого «комментирования» неявленного, легший в основу сотворения мира. Рассматривается миф как базовая практика говорения о том, о чем невозможно сказать. Показывается специфика искусства, существующего в противоположном жизни движении: жизнь движется в сторону выделения аспектов и конкретизации смыслов, искусство — в сторону интеграции аспектов и нового обретения аспектами сверхсмысла. В процессе описания движения и развития самых начальных структур бытия отыскиваются принципы идеального комментария. Ставится вопрос о том, что есть «новое» в сознании традиционных культур.

The article is concerned with the initial philosophical (gnosiological and ontological) principles of commentary as the basic practice of genesis and the making of the world and the man. The process of the first «commenting» of the non-explicit taken as a basis for the Creation is considered here, and also the myth as the basic practice of speaking about what is impossible to verbalize. We examine here the specific character of art existing in the opposite direction to life: life moves to the highlighting of aspects and concretization of meanings and the art goes to the integration of aspects and them achieving of a super-meaning. While describing the movement and the development of the initial existence structures, the principles of an ideal commentary are being found. The article raises a question about what is «new» in traditional cultures.

Все явления вселенной,
Все движенья вещества —
Все лишь отблеск божества,
Отраженьем раздробленный!..

Мирозданием раздвинут,
Хаос мстительный не спит:
Искажен и опрокинут,
Божий образ в нем дрожит.

А.К. Толстой «Дон Жуан»

В этом небольшом тексте мне хотелось бы попытаться сказать о комментарии как о фундаментальной онтологи-

Татьяна Касаткина*

Филологические практики в философском осмыслении: Комментарий в целом культуры**

Ключевые слова: комментарий, онтология, гносеология, базовые принципы комментария, часть и целое, миф

Keywords: commentary, ontology, gnosiology, basic commentary principles, the whole and the part

* Доктор филологических наук, главный научный сотрудник, зав. научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура» Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

** Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432) / This scientific investigation was carried out in the A.M. Gorky Institute of the World Literature of the RAS with financial support of Russian Science Foundation (RSF, the project № 17-18-01432).

ческой структуре, о комментарии как о базовой гносеологической практике, что позволит, я надеюсь, увидеть самые базовые принципы и законы любого, самого специального, комментария.

Калька слова «комментарий» в русском языке — «примечание». Путевые записки, заметки на латыни назывались «комментариями».

Примечание, заметка — это выделение чего-то из целого для более подробного и обстоятельного рассмотрения, чем это возможно в составе целого.

Это рассмотрение детали и части как **нового самостоятельного целого**.

И это, зачастую, отказ от **сверхсмысла** (т. е. от смысла элемента в системе) для рассмотрения **внутреннего смысла**, внутренних потенций выделенного фрагмента.

Так, укрупняя масштаб (сосредоточиваясь на фрагменте картины, на детали, **концентрируясь** — и используя это слово в данном случае, трудно не вспомнить давнее определение Бога как сферы с центром везде и периферией нигде), мы начинаем лучше видеть внутреннюю структуру выделенного фрагмента, но теряем контекст, уходящий за пределы экрана.

В сущности, именно так (и именно для этого), согласно некоторым гностическим космогониям, творился мир.

Мир творился как комментарий к Неведомому Богу.

Марк-гностик — согласно Болотову, лучший ученик Валентина — все творение мира (плеромы) изобразил в виде непрерывного и последовательного *комментария к Божественному Имени*.

Первоначальное, Вифос (бездна) — не признаем в своей полноте даже для себя самого. И он, выговаривая свое имя, осуществляет акт творения (такого выворачивания себя из потенции в наличность, но не в виде целого, а в виде его составляющих), ибо каждая произнесенная буква начинает жить своей жизнью, как обособленное существо, как выделенный аспект Первоначального. «Желая облечь в формы невидимое (μορφοῦσθῆναι ἄορατον), Вифос произнес подобное ему Слово. Оно, представши ему и нося образ невидимого, показало ему, что такое сам он» [2, с. 214].

Таким образом, целое проявляется вовне только будучи разложено на свои аспекты (так

проявляется, например, и *целое* музыкального произведения, которое удавалось в один миг воспринять Моцарта в процессе творения¹, разложенное на аспекты и этапы в записи и игре), т. е. — можем мы сказать, перенося принцип творения мира/художественного произведения на принцип комментирования текста, — смысл, присутствующий имплицитно в любом целом, *проявляется* и *фиксируется* (становится доступен в любой момент и перестает ускользать, т. е. — оказывается годен для предъявления и передачи) только в процессе комментирования. Но, становясь проявленным и зафиксированным, он превращается в смысл части, стороны, концептуальной линии, а не целого.

Следующая большая цитата покажет, что в процессе комментирования *смысл не может умножаться, а лишь последовательно допроявляется*. Полагаю, что это может служить абсолютным критерием правильного комментирования.

Болотов так пересказывает описанный Марком процесс разворачивания вовне прежде скрытого, процесс образования эонов плеромы: «Вифос произносит свое имя. Оно состоит, по выражению Марка, из 30 букв и 4 слогов. Сперва он отчетливо произносит первый четырехбуквенный слог: это четверица; затем второй — четырехбуквенный же слог, и этим заканчивается осмерица; затем третий — из 10 букв, и наконец последний — из 12 букв, получаются

¹ В знаменитом письме (подлинность которого, однако оспаривалась) Моцарт пишет: «Когда я чувствую себя хорошо и нахожусь в хорошем расположении духа, или же путешествую в экипаже, или прогуливаюсь после хорошего завтрака, или ночью, когда я не могу заснуть, мысли приходят ко мне толпой и с необыкновенной легкостью. Откуда и как приходят они? Я ничего об этом не знаю. Те, которые мне нравятся, я держу в памяти, напеваю; по крайней мере так мне говорят другие. После того как я выбрал одну мелодию, к ней вскоре присоединяется, в соответствии с требованиями общей композиции, контрапункта и оркестровки, вторая, и все эти куски образуют «сырое тесто». Моя душа тогда воспламеняется, во всяком случае, если что-нибудь мне не мешает. Произведение растет, я слышу его все более и более отчетливо, и сочинение завершается в моей голове, каким бы оно ни было длинным. Затем я его *охватываю единым взором*, как хорошую картину или красивого мальчика, я *слышу его в своем воображении не последовательно, с деталями всех партий, как это должно звучать позже, но все целиком в ансамбле*» Цит. по: [1, с. 17].

десятерица и двенадцатиерица. Следовательно, зоны — это только отдельные элементы понятия Бога о Самом Себе. Их жизнь, как многоголосное «Аминь» церковного собрания, есть лишь выражение жизни самосущего».

Заметим, что в конце цитаты у Марка аспектами, проявляющими бытие Бога, аналогично зонам, становятся люди (церковное собрание), совместно и совокупно воплощающие каждый в своем бытии разные грани Божественного бытия. Я бы сказала, что здесь Марк становится уже вполне ортодоксален. (Карсавин считает даже, что эта поправка противоречит основному замыслу системы Валентина [4, с. 17].) Это очень важно, поскольку, во-первых, вскрывает истинный смысл понятия «сборности», которая, будучи «единомыслием», не есть «одинаковомыслие», которая есть собиранье воедино проявленных отдельно аспектов Божественного бытия и Божественной мысли, а во-вторых, переводит избранное нами основание для понимания того, что есть комментарий, из (якобы) «маргинального» гностицизма в магистральное для европейской культуры христианское сознание.

Из сказанного следует также, что истинный комментарий, способный приблизиться к собиранью смысла целого, не может принадлежать одному человеку, он длится и собирается в веках, ибо человек — тоже аспект, способный наиболее к проявлению *определенных* рядов смысла текста; орудие, наилучше заточенное под видение и раскрытие *определенных* вещей.

Комментатор — лишь член герменевтического круга в широком смысле, включающего в себя не только непрерывно меняющееся соотношение части и целого, но и включающего в себя членов, видящих это непрерывно меняющееся соотношение в разных аспектах, которые для их соседей — **слепые пятна**². Эти слепые пятна исчезают в работе круга комментаторов (часто расположенного в разных временах, а не только в разных пространствах), поскольку комментаторы открывают друг другу пространства, которыми владеют они, и которые, помимо них, окажутся недоступны для остальных.

Здесь проявляется иной аспект значения слова «комментарий» — «со-мысление», «со-помнение» — совместное размышление *над*,

² См. об этом подробнее: [5]; [6].

Мир творился как комментарий к Неведомому Богу.

Марк-гностик — согласно Болотову, лучший ученик Валентина — все творение мира (плеромы) изобразил в виде непрерывного и последовательного *комментария к Божественному Имени*.

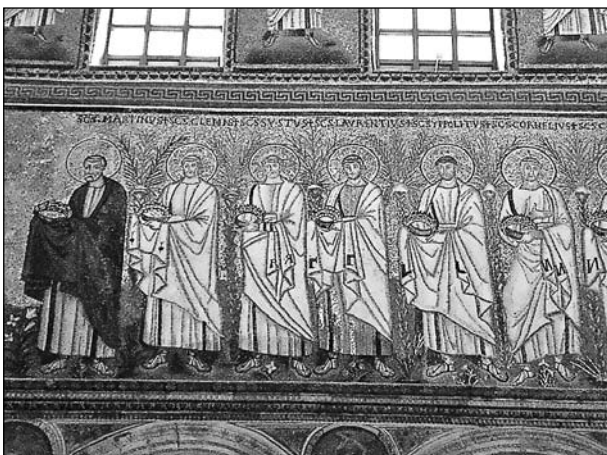
Первоначальное, Вифос (бездна) — непознаваем в своей полноте даже для себя самого.

И он, выговаривая свое имя, осуществляет акт творения (такого выворачивания себя из потенции в наличность, но не в виде целого, а в виде его составляющих), ибо каждая произнесенная буква начинает жить своей жизнью, как обособленное существо, как выделенный аспект Первоначального.

«Желая облечь в формы невидимое (μορφοθῆναι ἀόρατον), Вифос произнес подобное ему Слово. Оно, представши ему и нося образ невидимого, показало ему, что такое сам он»

совместное воспоминание *о*. Только в таком сомыслении осуществляется полноценный комментарий — и это условие его полноценности заложено уже, как мы видим, в самих корневых, исходных значениях слова. Одновременно комментарий должен был бы быть сомыслением с автором комментируемого текста, в каких бы формах этот автор не предстал; но ныне комментарий далеко не всегда является таковым. Комментатор зачастую ставит себя **вовне** комментируемого текста, порождая принципиально объективирующий комментарий, рассматривающий комментируемый текст как часть чего-то большего и более значительного, чем он сам. Если соотносить это положение и интенцию комментатора с эпиграфом к данной статье, думаю, в большинстве случаев они будут соответствовать второй его части, поскольку встраивание естественного целого в произволь-

Раннехристианская базилика
(Равенна, Италия)

но сформированное *назначенное* целое (например, художественное произведение *романтического направления*) приведет к искажениям в восприятии естественного целого.

В своем вырожденном и ущербном виде подсознательное ощущение необходимости и неизбежности круга комментаторов для полноценного комментария является нам в идее отсутствия авторства на комментарий, в идее беспрепятственного заимствования (без указания предшественника) комментариев для введения их в новый корпус комментариев³.

Возвращаясь к идеям Марка, нужно сказать, что понимание людей как букв Имени Божия, Слова, сотворившего мир, постоянно присутствовало в христианстве, в том числе — в его изобразительной традиции — т. е. было открыто и внятно не только для ученых людей, читавших фолианты, но и для любого прихожанина, рассматривающего фрески или мозаики своего собора.

В раннехристианской базилике Равенны Sant'Apollinare Nuovo (V–VI в.) одна из мозаик изображает процессию мучеников с пальмовыми ветвями, памятную каждому по сюжету из Откровения Иоанна Богослова: «После сего взглянул я, и вот, *великое множество* людей, *которого никто не мог перечесть*, из всех племен и колен, и народов и языков, стояло перед престолом, говоря: спасение Богу нашему, сидящему на престоле, и Агнцу! <...> они пребывают

³ См. размышления о «притушенности» авторского начала в комментарии также в статье: [3, с. 16–17].

ныне перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них» (Откр. 7:9–15)⁴. На одеждах их изображены буквы, очевидно — буквы того Слова, которого Христос есть Альфа и Омега. Буквы Имени Бога и Слова творения, что подтверждается свидетельством о том, что «Сидящий на престоле будет обитать в них» — таким образом, изображенные на одеждах буквы обозначают тот аспект Божества, который проявляется в данной личности и ее жизни наиболее целостно и полно.

В современной культуре идея наличия людей, способных проявить в себе направленным сверхусилием свою сущность, которая заключается в том, что они — слова творящей речи Господней, представлена, например, в бестселлере Марины и Сергея Дяченко «Vita nostra»⁵. И хотя авторы этого романа основываются скорее на гностических и каббалистических мотивах, их текст, безусловно, свидетельствует о том, что сама идея мира как комментария к Божественному бытию, разворачивающегося в продолжающихся актах творения, продолжает активно присутствовать и в современном сознании.

Но продолжим цитату из Болотова: «Они — буквы, но в свою очередь с полнотою выражают элементы Божества лишь тогда, когда сами живут всею полнотою жизни. Это Марк поясняет таким образом. Вообразим себе треугольник. Пока смысл этого треугольного знака не определен, он — символ Вифоса, объятого молчанием. Но раз мы поняли, что этот треугольник есть буква “дельта”, он уже определился до такой степени, что его можно выразить целым рядом (5) знаков, из которых каждый в свою очередь допускает такое же раскрытие. Можно подписать, что это есть ДЕЛТА. Несмотря на то, что здесь не один только знак, а 5 знаков, здесь содержания ничуть не больше, чем в первом зна-

⁴ Выделения в цитатах — курсив и курсив+полужирный — выделено мной, полужирный — выделено в цитируемом тексте — Т.К.

⁵ «Vita Nostra» — роман-фэнтези украинских писателей Марины и Сергея Дяченко, получивший премию «Золотой кадучей» в номинации «Крупная форма» на фестивале «Звездный мост–2007». Роман вошел в список лучших фантастических книг, по версии журнала «Афиша», опубликованный в 2008 г. в номинации «Выбор экспертов».

ке, потому что это так же “дельта”, как и то. Но в свою очередь каждая из (5) букв этого второго ряда может быть выражена в новом ряде (18) букв и под каждой из этих последних можно тоже подписать опять точное ее обозначение. Таким образом содержание одной и той же дельты может продолжаться до бесконечности, и в каждом последующем ряде знаков содержится то же, что содержится и в предшествующем. Таким образом, 5 букв содержат в себе не более того, что содержится в одной первоначальной букве; следующие 18 букв содержат не более того, что предшествующие 5 букв; наконец, дальше из 18 букв получилось 62 буквы, но и они выражают опять-таки одну и ту же дельту ($62=18=5=1$). В каждом новом ряде лишь сложнее выражается то же самое содержание. Поэтому внутреннее развитие жизни Вифоса в зонах завершится лишь тогда, когда самая последняя из букв этого имени выразит в своей жизни самую последнюю из бесконечного числа букв, которыми она определяется. “Но, прибавляет Марк, каждая буква божественного имени издает только свой звук, а не повторяет божественного имени в его целом”. Поэтому каждый эон индивидуально различен от других эонов и вместе с тем — ниже Вифоса. Он раскрывает в себе жизнь бесконечного и в бесконечной интенсивности, но жизнь не в целом, а лишь в одном ее каком-либо определении» [2, с. 214–215].

С какого-то другого ракурса, ставящего акцент не на разворачивающемся самопознании духа, невозможном вне обособления его аспектов, а на «пленении» духа в обособленном, этот процесс может быть описан и так: «Для санкхьи и йоги мир реален (а не иллюзорен, как, например, для веданты). Однако мир существует, длится только из-за духовного “неведения”; бесчисленные космические формы, равно как и процессы их воплощения и развития, наличествуют лишь в той мере, в какой Я (пуруша) пребывает в неведении о себе самом; именно благодаря такому метафизическому неведению мир находится в страдании, порабощении. Но в тот момент, когда Пуруша обретет свободу, творение во всей своей полноте, возвратится в первозданное докосмическое состояние» [8, с. 34].

Рассмотрение в этом ракурсе указывает нам на то, что рассыпанный на аспекты коммента-

рием текст оказывается вне доступа к своему истинному смыслу («в неведении о себе самом»), постепенно открывающемся лишь в последовательном и неуклонном воссоединении всех аспектов.

Таким образом, вся жизнь создается и развивается как комментарий к тому, что иным образом, вне этого комментария, оказывается недоступно не только для понимания, но и для восприятия.

В свете сказанного выше не удивительно, что, в сущности, таким же образом и почти с той же целью: говорить о том, что иным образом не может быть выражено, о чем по-другому не может быть сказано, — возникает и искусство, и прежде всего — миф.

Однако движение искусства противонаправлено движению жизни, в которой каждый выделенный аспект должен прожить наиболее *свою* жизнь, вне связи со сверхсмыслом, чтобы максимально проявить смысл данного аспекта. Искусство словно призвано напоминать аспектам об их связи, освещать выделенную и приватизированную жизнь сверхсмыслом через демонстрацию ее места в составе целого.

Жизнь удаляет каждую следующую ступень от первоначального непроявленного целого, искусство сказуемо и зримо включает все выделенное в состав целого. Или, по крайней мере, напоминает каждому отдельному, что повесть его жизни — весть не только лишь о нем самом.

Именно в силу этого оказываются столь естественны комментарии к философским сочинениям, и самим по себе склонным выделять аспекты мысли и рассматривать их, резко укрупнив масштаб, — и столь проблематичны комментарии к произведениям искусства.

Комментируя произведение искусства, комментатор все время должен помнить, что то, что он делает, сосредоточивая внимание читателя на отдельном и выделенном, *противонаправлено* основной тенденции искусства, и показывать эксплицитно, чем новые знания о выделенном предмете помогут читателю в понимании целого. Без такого эксплицитного *обратного включения*, выделенного для комментирования элемента, комментарий будет **рассыпать** текст для читателя — и единственным спасением здесь

является то, что читатель во многих случаях просто игнорирует комментарий⁶.

Сам миф, возможно, является самым ярким и очевидным типом комментария к недоступному тексту — ибо в нем говорится о событиях иного мира и иной природы посредством использования слов и вещей, доступных слушателям в этом мире.

Миф, **максимально выражая еще одно важное свойство любого комментария**, предстает перед нами как посредник между тем, что человеку более-менее постоянно доступно в ощущениях и относительно чего у него сформировался язык — и тем, что ему доступно в лучшем случае окказионально, доступность чего зависит от времени, места, личных качеств и подготовки воспринимающего, — и для чего языка у него нет.

Миф — это один из наиболее распространенных способов говорить о том, о чем нельзя говорить. Следовательно, миф — это не формула, а образ, история, которая *рассказывает* о том, что происходит в том мире, для описания которого у нас есть язык, а *говорит* при этом о том, что происходит в том мире, для которого у нас языка нет.

Надо заметить, что человечество все время (и возможно, это и есть конститутивный признак человечества, по крайней мере — один из) занималось тем, что **создавало способы говорить о том, о чем невозможно говорить**. И это понятно — ведь если человечество перестанет говорить о том, о чем говорить невозможно, — оно перестанет расти. В тот момент, когда несказанное появляется в сознании посредством картинки-мифа, оно уже входит в область наличного. Когда мы начинаем о нем

⁶ Комментаторы (по крайней мере, некоторые) эту проблему осознают. Например, переводчик и автор послесловия к произведению Ле Гуин пишет: «Если разобрать по нитям великолепный сказочно-мифологический гобелен тетралогии, то очарование исчезнет, останется лишь груда прочных, вполне осязаемых составляющих, из которых этот дивный гобелен был соткан. Не будем же заниматься столь неблагодарной работой, уничтожая произведение искусства <...>. Нет, постараемся не нарушить очарования <...> прозы Урсулы Ле Гуин, ибо — тонкий художник! — она вплела в ткань своих романов столь многое, от мифа и представлений древних философов до самых современных проблем человечества, что разложение на “непосредственно составляющие” грозит этому произведению утратой художественной ценности» [7, с. 413].

говорить посредством аналогий, через близкое о далеком, через понятное (через сдвиги в понятном) — о странном — это значит, что мы его осваиваем, вводим в область нашей реальности, расширяем ее, захватываем новый ее уровень, поднимаемся на еще одну ступень на пути интеграции недоступного единства, прежде распавшегося в попытке познать себя.

Скажем попутно, что мифы потому и не интегрируются без остатка (очень существенного «остатка») в целостную историю, доставляя столько неудобств историкам культуры, что они — не связанное повествование в горизонтальном плане, но именно серия «комментариев» к иным планам бытия, часто изображающих одно и то же в разных аспектах.

Т. е. они связаны между собой совершенно иным образом, чем их ищут связать, надеясь обнаружить в них последовательное повествование о появлении мира или о развитии человечества. Они связаны через свое отношение к неявленному, связаны *лишь* через него, но не непосредственно друг с другом, любое проявление в них сюжета — внешне и вторично. И это, видимо, может послужить описанием типа связности, вообще присущего любому комментарию⁷.

В свете идеи о том, что проявление смысла не означает его умножения, полагаю, проясняется парадоксальная, на самый первый взгляд, идея, высказанная Ниной Брагинской⁸, о том, что комментарий — это единственный способ инновации в любой традиции (традиционной культуре).

Мирча Элиаде пишет: «Важно представлять себе место понятия “эволюция” в философии санкхьи. Паринама означает развитие того, что

⁷ Размышления о вариантах связности комментария см., например, в разделе «Комментарий как связный неповествовательный текст» в статье: [3, с. 14–18].

⁸ В частности, вот так: «Нечего говорить, что, комментируя древних философов, комментаторы высказывают новые философские идеи. Это кажется сегодня очевидным <...> хотя целые столетия считалось, что философски комментарии к Аристотелю, например, вторичны и несамостоятельны и не могут сообщить ничего, кроме цитат из утраченных текстов. Комментаторы могут не хотеть высказывать новое» [3, с. 49]. Думаю, с точки зрения комментаторов, они его и не высказывают, они лишь раскрывают то, что присутствовало нераскрытым. У них было иное видение того, что есть «новое».

существует *in posse* (в потенции), в махате. В действительности это не креация, не трансценденция, не формирование новых уровней существования; это просто реализация потенциалов, находящихся в пракрити (точнее, в ее витальном аспекте, махате). Отождествление “эволюции” в индийском смысле с западным эволюционизмом влечет за собой большую путаницу. Никаких новых форм во вселенной не появляется — проявляются только те, которые уже присутствовали в потенциальном виде. Фактически, по санхье, ничего не порождается (в западном смысле слова). Творение существует извечно и никогда не разрушается; оно лишь может возвратиться к состоянию абсолютного равновесия (в «великом распаде», махапраляе)» [8, с. 36].

Таким же образом любая «инновация» в традиционной культуре есть не более чем проявление уже присутствующего; там есть открытие и обретение, но нет изобретения — привносимого «от себя», из ниоткуда, из небытия — «извне». Внутри традиционной культуры некуда выйти за пределы комментария — знания, смысла и бытия «обретаемых» в раскрытии прежде «закрытых» областей, раскрывающих себя в процессе выделения их из целого для автономного рассмотрения. В этом смысле можно сказать, что «творить» внутри традиции прочитывается как «вторить». И это значит не то, что внутри традиции не раскрывается ничего прежде неведомого, но и не значит, что мы просто разными словами говорим об одном и том же: дело здесь в том, что, если мы присматриваемся и прислушиваемся к тому, как процесс познания видели внутри традиции, из наших глаз исчезает образ исследователя, рвущего грудью ленты и более реальные преграды на границе познанного, исследователя, стремящегося *вовне*, — и вновь возникает образ философа, внимательно вслушивающегося в любой текст (каковым видится и весь мир в целом), чтобы раскрыть его *внутренние* значения, смыслы и связи.

Вот это выделение из целого для автономного рассмотрения — в идеале с последующим возвращением выделенному сверхсмысла — связи внутреннего смысла со смысловым целым — и есть «инновация» традиции, и одновременно — принцип идеального комментария.

Миф — это один из наиболее распространенных способов говорить о том, о чем нельзя говорить. Следовательно, миф — это не формула, а образ, история, которая **рассказывает** о том, что происходит в том мире, для описания которого у нас есть язык, а **говорит** при этом о том, что происходит в том мире, для которого у нас языка нет. Надо заметить, что человечество все время (и возможно, это и есть конститутивный признак человечества, по крайней мере — один из) занималось тем, что **создавало способы говорить о том, о чем невозможно говорить**

Литература

1. *Адамар Ж.* Исследование психологии процесса изобретения в области математики. Пер. с франц. М.А. Шаталова, О.П. Шаталовой, под ред. И.Б. Погребысского. — М: МЦНМО, 2001. — 128 с.
2. *Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви / посмертное издание под ред. проф. А. Бриллиантова. Репринтное воспроизведение издания СПб., 1910. Т. 2. История церкви в период до Константина Великого. — М.: Спасо-Преображенский Валаамский ставропигиальный монастырь, 1994. — 509 с.
3. *Брагинская Н.В.* Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только // *Arbor mundi*. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. 2007. Вып.14. — С. 9–62.
4. *Карсавин Л.П.* Святые отцы и учителя Церкви (раскрытие Православия в их творениях). — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 176 с.
5. *Касаткина Т.* О субъект-субъектном методе чтения // *Новый мир*. 2017. № 1. — С. 126–144.
6. *Касаткина Т.А.* Организация совместной работы в рамках субъект-субъектного метода // *Литература*. Издательский дом «1 сентября». 2018. Январь-февраль. № 1–2. — С. 52–57.
7. *Тогоева И.* О Ястребе, Ясене, Холме и Мече — об Истинных Именах и Великих Магах // *Ле Гуин У.* Гробницы Атуана. Техану. Пер. с англ. И Тогоевой. — М.: Радуга, 1993. — С. 399–412.
8. *Элиаде М.* Йога: бессмертие и свобода / Пер. с фр. В. Траск, с англ. С. Никшич (I–IV) и Д. Палец. — Киев: София, 2000. — 400 с.